

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

К 215-летию Н. В. Гоголя

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ВСЛЕД ЗА ГОГОЛЕМ...

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) — величайший писатель-христианин, классик русской и мировой литературы.

Уроженец Миргородского уезда Полтавской губернии, Гоголь во многих своих произведениях воспроизводил дорогой его сердцу, особый малороссийский колорит: «Вишневые низенькие садики, и подсолнеч<ники> над плетнями и рвами, и соломенный навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным обводом окруженное окошко. Ты древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа»¹. Писателю хотелось «обнять обе половины русского народа, северн<ую> и южн<ую>, сокровище их духа и характера» (7, 387).

Жизнь и смерть Гоголя, его художественный мир до сих пор остаются во многом неразгаданными, не изведенными во всей их духовной сложности, таинственной глубине и Божественной правде. Писатель говорил о смысле своего творчества: «Дело в *деле* и в *правде* дела» (6, 588). Молитвенно обращался он к помощи Божией для укрепления высшего дара — любви к ближнему: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновеньем» (7, 381).

Глубины духовных прозрений гения остаются до конца не изведенными в циклах его повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», в «Петербургских

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.; Л.: АН СССР, 1937–1952. — Т. 7. — С. 378. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

повестях», в бессмертной комедии «Ревизор», эпической поэме «Мертвые души» — с их общей магистральной темой борьбы с нечистой силой, одоления врага рода человеческого в любых его обличьях.

«А что греха таить, господа... Ведь „Мертвые души“ и точно тяжелая книга и страшная, — писал русский поэт и критик И. Ф. Анненский. — Страшная и не для одного автора. Чего заглавие-то одно стоит, точно зубы кто скалит: „Мертвые души“. <...> Что бы было с нашей литературой, если бы он один за всех нас не подъял когда-то этого бремени и этой муки»².

Гоголь выступил как истинный исполин духа — борец с нечистой силой, присутствие которой он ощущал, разоблачал и в социально-политическом, и в морально-нравственном, и в сакральном смысле: «Вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, то есть черта называю прямо чертом, не даю ему вовсе великолепного костюма à la Байрон»³. Тактика и разрушающее действие на человека inferнальных сил были ведомы писателю, и он не устал изобличать их в художественном творчестве, в публицистике, в переписке.

Так, в письме С. Т. Аксакову от 16 мая 1844 года Гоголь призывал своего друга-христианина не поддаваться на дьявольские уловки: «Все это Ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего „приятеля“, всем известного, именно — черта. Но Вы не упускайте из виду, что он щелкопер и весь состоит из надувания» (238). Далее писатель указывает на сатанинские приемы искусителя: «Его тактика известна: увидевши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дело, он убежит бегом и потом подойдет с другой стороны, в другом виде, нельзя ли как-нибудь привести в уныние <...>. Словом, пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело» (239).

Гоголь предлагает радикальное средство в духе своего героя кузнеца Вакулы из повести «Ночь перед Рождеством», который напоследок отстегал черта хворостиной, и «вместо того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» (1, 241). Гоголь советует в письме С. Т. Аксакову: «Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он просто *черт знает что*. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: *Хвалился черт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти*».

В то же время к подобной борьбе нельзя относиться легковесно. Сражение не проходит легко, просто и безболезненно. Не случайно «Ночь перед Рождеством» с преобладающей в ней светлой атмосферой Святков, радостной тональностью народных зимних праздников завершается образом испуганного ребенка, плачущего от страха перед «намалеванным» Вакулой на стене церкви изображением «черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: *он бачь, яка кака намалевана!* и дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери» (1, 243). Здесь явный намек на неодолимую силу чертовщины, которая продолжает сеять раздоры и страх, горе и слезы, страдания и гибель.

² Анненский И. Ф. Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье // И. Ф. Анненский. — М.: Наука, 1979.

³ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 7. Письма. — С. 240. Далее ссылки на 7-й том данного издания приводятся в тексте с указанием страницы в скобках.

Людам не одолеть беса в одиночку, без помощи Божией. Необходима высшая сила, направленная против злого духа, который «очень знает, что Богу нелюб человек унывающий, пугающийся — словом, не верующий в Его небесную любовь и милость» (239).

Даже апостолы, наделенные Господом силой наступать «на всю силу вражью» (Лк. 10:17), принявшие Его заповедь: «...больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте, даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8), — не сумели изгнать особо коварного беса. «Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его? Иисус же сказал им: по неверию вашему <...> сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:19–21).

Знаменательный ответ Христа в его прямом и понятном значении стал смыслом последних лет жизни Гоголя. Он очень много молился и постился, готовясь пройти сквозь «последние врата» в жизнь вечную.

Православный литературовед К. В. Мочульский предположил, что «Гоголю было послано свыше откровение о смерти, он перестал бороться за жизнь, последние драгоценные дни употребил на христианское приготовление к великому Таинству»⁴. Возможно, Гоголь услышал некий «зов» и «угас, как свечка». Как и герой его повести «Старосветские помещики» безутешный вдовец Афанасий Иванович, который ясно услышал среди бела дня зов покойной супруги и «весь покорился своему душевному убеждению, что Пульхерия Ивановна зовет его; он покорился с волею послушного ребенка, сохнул, кашлял, таял, как свечка, и наконец угас так, как она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бедное ее пламя» (2, 37).

Намек на эту тайну, которая навсегда останется тайной, есть в собственном признании Гоголя в этой же повести: «Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют так: что душа стосковалась за человеком и призывает его; после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве я часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал, ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины, среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада, и тогда только успокоивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню» (2, 37).

Мистиком и духовидцем считали Гоголя глубокие исследователи его творчества: «Таково объяснение в плане психологическом; но возможно и другое объяснение, в плане мистическом; оно вполне законно, так как относится к мистику, который, подобно всем духовидцам, переживал состояния благодати и безблагодатности, имел видения света и тьмы и с сознательного возраста вел упорную и тяжкую борьбу со злыми духами»⁵.

Однако этого не могли постичь люди даже из самого близкого окружения писателя. Они пытались насильно накормить его, строго постящегося; пытались лечить, в том числе холодными ваннами, якобы от «религиозного помешательства».

Поразительны заключительные строки повести, в которых автор будто предвидел свои последние дни — за 17 лет до кончины. В финале написанных от первого лица

⁴ Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М.: Республика, 1995.

⁵ Там же.

«Записок...» в безумные речи героя врывается взволнованный лирический монолог, где словно слышится жалобный стон самого умирающего Гоголя. Он бесконечно любил свою «дражайшую маменьку», как часто обращался к ней в письмах, и здесь будто не герой повествования, а он сам, Гоголь, жалуется матушке на своих мучителей: «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею. Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя и все кружится предо мною <...> Дом ли то мой синеет вдаль? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете!» (3, 214).

Рукописный вариант финала звучит следующим образом: «Матушка моя, за что они мучат меня! Голова моя светлая. Ты видишь, как жестоко поступают со мною за любовь. Ты видишь ли, как обижают меня» (3, 571).

В «апокрифическом рассказе о Гоголе» «Путимец» (1883) Н. С. Лесков писал: «Тут все переболели сердцем, читая весть про душевные муки поэта, начавшиеся для него томлением, которое предшествовало и, может быть, частью вызвало „Переписку с друзьями“»⁶.

«Жизнь Гоголя — сплошная пытка, самая страшная часть которой, протекавшая в плане мистическом, находится вне нашего зрения, — писал исследователь. — Человек, родившийся с чувством космического ужаса, видевший вполне реально вмешательство демонических сил в жизнь человека, воспринимавший мир *sub specie mortis* (с точки зрения смерти. — А. Н.-С.), боровшийся с дьяволом до последнего дыхания, — этот же человек “сгорал” страстной жаждой совершенства и неутолимой тоской по Богу. Душа Гоголя — сложная, темная, предельно одинокая и несчастная; душа патетическая и пророческая; душа, претерпевшая нечеловеческие испытания и пришедшая ко Христу»⁷.

«Да не смущается сердце ваше. Иоанн XIV, 1» (7, 359); «Милосердия, Господи. Ты милосерд. Прости все мне грешному. Сотвори, да помню, что я один и живу в Тебе, Господи; да не возложу ни на кого, кроме на одного Тебя, надежду, да удалюсь от мира в святой угол уединения» (7, 376) — такие молитвы слагал Гоголь в своей «Записной книжке 1846—1851».

С. Т. Аксаков, близко знавший писателя, утверждал: «Я признаю Гоголя *святым*, это истинный мученик нашего времени и в то же время мученик христианства».

Финал повести «Записки сумасшедшего»: «Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдаль; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют» (3, 214) — перекликается с финалом первого тома «Мертвых душ» — метафорическим образом Руси-тройки: «...кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух».

⁶ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958. — Т. 11. — С. 68.

⁷ Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М.: Республика, 1995.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымит-ся под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? <...> Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа» (6, 247).

«Мир его праху, вечная память его жизни, вечная слава его имени!» — писал И. С. Тургенев в некрологе, где назвал Гоголя великим писателем. За это Тургенев был арестован, а затем отправлен из столицы в ссылку, так как нарушил строгий запрет печатно упоминать о смерти великого сатирика, наложенный царским правительством. Видно, и ему так крепко прищемил хвост Гоголь, что и после смерти был страшен демоническим силам разного рода.

За несколько дней до кончины Гоголь записал свою молитву: *«Аще не будете малы, яко дети, не увидите в Царствии Небесное. Помилуй меня грешного, прости, Господи. Свяжи вновь сатану таинственную силою неистоведимого Креста».*

Вслед за Гоголем будем и мы молиться...